

Московская, да не родная, сторона

Эта часть Петербурга начиналась за Фонтанкой и отчасти представляла собой, как теперь бы сказали, «промышленную зону». Вверх по Неве от Летнего сада огненное зарево и звон металла обозначали возведенный не позже 1712 г. Литейный двор.³²⁸ По некоторым данным, его сооружали уже в 1711 г.³²⁹ Внешне Литейный двор был похож на другие постройки петровского Петербурга: мазанковое здание с высокой башней, шпилем, на котором вывешивали гюйс. Вокруг Литейного двора располагались лафетные и иные артиллерийские мастерские, склады материалов и цейхгауз артиллерийского ведомства. Возле Литейного двора находилась Литейная слобода (или попросту «Литейная»), в которой поселили около трех сотен мастеровых — переселенцев из московского Пушечного двора, а также из Тулы и других железоделательных центров. Возможно, где-то поблизости жили и около сотни шведских военнопленных, работавших на Литейном дворе кузнецами, плотниками и чернорабочими.³³⁰

Идею образования слободы нужно отнести к 1709 г., когда Петр, после победы при Полтаве, уверенно писал в Москву Якову Брюсу: «Здесь всем делам заводится начало, где и вапа артиллерия имеет быть».³³¹ Это стало сигналом к переселению в Петербург пушечных мастеров, литейщиков, слесарей-оружейников и всего артиллерийского ведомства — Главной артиллерии (или Артиллерийской канцелярии). Не позже 1714 г. от Невы была пробита просека, названная Литейной просекой (потом — улицей, проспектом). Литейный проспект, доходивший до Большой Першпективной дороги (Невского проспекта) связал улицы, которые прокладывали параллельно Неве. Речь идет о Первой Береговой (позже Шпалерной), Захарьевской, Сергиевской (ныне Чайковского), Пантелеймоновской (ныне Пестеля) и Кировной. Вся эта местность, в противоположность Немецкой слободе на Адмиралтейском острове, называлась «Русской слободой». Неподалеку от Литейного двора, особняком от всей петровской знати, в своем каменном доме поселился начальник русской артиллерии генерал-фельдцейхмейстер граф Я. В. Брюс.

Портрет на фоне города

Яков Вилимович Брюс, или Секрет «живой» и «мертвой» воды

Имя Якова Брюса в русской истории окружено легендами — современники считали его колдуном, чернокнижником. Да, он был непонятен

³²⁸ Родзевич В. Историческое описание С. Петербургского Арсенала за 200 лет его существования: 1712—1912 гг. СПб., 1914. С. 14. См. также: Исаченко В. Г., Питанин В. Н. Литейный проспект. Л., 1989. С. 8.

³²⁹ Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга... С. 75.

³³⁰ Там же. С. 77—78.

³³¹ ПСЗ. Т. 8. № 2416.

толпе, как и его знаменитый «Брюсов календарь». Яков Брюс с увлечением делал химические опыты, наблюдал по ночам звезды на небе и был известен как один из самых ученых людей России. Выходец из шотландского королевского рода, он родился и всю жизнь прожил в России, но нес в себе гений своего удивительного народа, давшего миру легион блестящих мыслителей, ученых, изобретателей и мастеров. С самого начала своей службы у молодого царя артиллерист Брюс выделялся среди других сподвижников Петра умом, знаниями и степенностью. А царь любил таких людей. Нет, Брюс не был царским фаворитом, но Петр, всегда палимый жаждой знаний, пытливым и неустанным экспериментатор, мог часами беседовать с Брюсом о машинах, о загадках Вселенной.

Я. В. Брюс

Это вместе с Брюсом русский самодержец однажды вскрыл гробницу святого в новгородском Софийском соборе, чтобы изучить физические причины многовековой сохранности мощей. Но самой главной и самой большой любовью Брюса была артиллерия.

Дом Брюса стоял рядом с Литейным двором, где днем и ночью лили пушки. Это была его вотчина, он привык к шуму и грохоту литейной и кузницы, как привык к шуму и грохоту своих пушек на поле боя. Он был героем Северной войны и благодаря ему в России была создана прекрасная артиллерия. Она началась, как все помнят, с колоколов, которые безбожник Брюс, назначенный воеводой в Новгороде, по указу Петра безжалостно сдирал с колоколен русских церквей и бесстрашно переплавлял на пушки. Победы при Лесной и Полтаве были одержаны во многом благодаря действиям артиллерии, которой Брюс командовал, за что и получил высший орден Андрея Первозванного.

Как и другие сподвижники Петра I, он был и дипломатом. Вспомним, что именно его подпись стоит первой под Ништадтским мирным договором 1721 г., по которому Ингерманландия навечно отошла к России. Брюса не терзало честолюбие, он держался в стороне от ожесточенной придворной борьбы за власть и привилегии. О его личной жизни мы знаем очень мало. Суеверные люди обходили его дом стороной. Спокойный и уравновешенный, он вызывал у окружающих уважение и страх. Брюс не был склонен к откровенности и вел весьма замкнутую жизнь. Любимым занятием Брюса была наука, от которой его постоянно отрывали поручения царя.

Дом Я. В. Брюса и Литейный двор. Фрагмент гравюры «Панорама Петербурга». А. Ф. Зубов. 1716

После смерти Петра I он попросился в отставку и до самой своей кончины жил в подмосковном имении Глинки, где предавался научным опытам и размышлениям вдали от бурь и страстей политики. Там у него были великолепный кабинет, оснащенный ценнейшими физическими и астрономическими приборами, собрание редкостей, монет и медалей, а также библиотека, которая потом вошла в собрание Библиотеки Академии наук. Это не просто коллекция манускриптов по астрономии, математике, физике, а рабочее собрание книг, которые до сих пор хранят на своих страницах пометки их владельца.

Брюса подозревали в сговоре с дьяволом, думали, что он изобрел эликсир жизни, «мертвую» и «живую воду». Но русский шотландец Брюс был, скорее всего, неверующим и не верящим никому человеком. За долгую свою жизнь он познал цену преходящей земной славе, суете, и у него на сей счет не было никаких иллюзий. Недаром на его гербе стоял краткий и совсем не оптимистичный девиз: «FUIMUS» — «Мы были».

Чуть дальше от невского берега, ближе к Фонтанке, там, где теперь находится Соляной городок, стоял вначале Запасный дворец, в котором,

по старой московской традиции, хранили продовольственные запасы для дворцовых потребностей. Потом на этом месте была построена Невская (Партикулярная) верфь, указ о создании которой появился в 1718 г., хотя, судя по переписке Петра с А. М. Черкасским 1716 г., проблема строительства осложнялась переносом с этого места Запасного дворца.³³² На Невской верфи строили мелкие парусные суда по чертежам, утвержденным самим царем. В литературе существует мнение, что архитектором ее является Трезини,³³³ однако сохранился указ от января 1720 г. о строении плотниками «партикулярной верфи по абрису архитекта Матерновия (Маттарнови умер в 1719 г. — Е. А.), что есть назначено на чертеже сделать два анбара, да... на воротах спиц и две каменные кузницы обрешетить под черепицу».³³⁴ Суда, которые тут строили, предназначались для плавания жителей под парусом по Неве и ее притокам. Рядом, в честь побед русского флота над морскими силами шведов при Гангуте и Гренгаме, происшедших в один день — 27 июля (соответственно — 1714 и 1719 гг.), была построена в 1722 г. Пантелеймоновская церковь.

Здесь нужно коснуться проблемы мостов через Фонтанку. Как известно, в литературе считается, что первым был наплавной Аничков мост, построенный в 1715 г. и позднее, в 1721 г., перестроенный ван Болесом в подъемный. Однако на шведском плане 1706 г., названном «Чертеж дороги от С. Петербурга до Выборга», через будущую Фонтанку между современными Прачечным и Пантелеймоновским мостами отчетливо виден неизвестный мост, от которого в сторону села Спасского (место Смольного монастыря) отмечена дорога.³³⁵ Как справедливо заметила в своей диссертации Т. А. Базарова, дорога эта указана еще на шведской карте 1698 г.³³⁶ Однако на этой карте дорога обрывается на левом берегу безымянного ерика и моста на реке не видно. Все это позволяет предположить, что не позднее осени 1706 г., именно здесь был построен первый мост (понтонный, или, как тогда писали, «плавной») через Фонтанку.

Регулированием застройки Московской части Петр занялся в марте 1716 г., отвечая на запрос начальника Городовой канцелярии А. М. Черкасского. Во-первых, возле Литейного двора царь запретил строиться кому попало и счел эти места «удобными под ремесленных людей». Тут, собственно, и раньше начали селиться работные с Литейного двора. Во-вторых, Петр вообще запретил селиться кому-либо (кроме мастеровых и

³³² АСПБII. Ф. 270. Оп. 1. Д. 81. Л. 270; ПСЗ. Т. 5. № 3019.

³³³ Лисаевич И. И. Доменико Трезини. С. 41. Для этого автора вообще характерно стремление приписать Трезини авторство большинства построек, которые он, согласно своему положению главного производителя работ, только курировал.

³³⁴ АСПБII. Ф. 270. Оп. 1. Д. 81. Л. 371; РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 3в. Л. 455.

³³⁵ Планы С. Петербурга, составленные и гравированные по историческим сведениям, находящимся в Военно-Топографическом Депо. СПб., 1846. С. 326; Луннов С. П. История строительства Петербурга... С. 19.

³³⁶ Базарова Т. А. Планы как источники... С. 60.

солдат) выше от Литейного по Неве. К этому времени «чума переселений» полностью овладела царем, и он на все вопросы об устройстве людей на Московской стороне отвечал: «Не ставить там никому ничего, а отводить на Васильевском острову» или «Велеть итить на Васильевской остров, разве кто скаску даст, что он на Васильевском острове станет строитца и тот двор (на Московской. — Е.А.) за загородной употребит».³³⁷

Если бы мы прошли за тогдашний мазанковый Литейный двор с его амбаром, в котором стояли литейные печи (в камне его перестроили в 1730-х гг.),³³⁸ то увидели бы (вдоль современной Шпалерной улицы) продолжение набережной. Здесь образовалась Верхняя, или Литейная, набережная,³³⁹ вдоль которой жили родственники царя и знатные персоны: сестра Петра I, царевна Наталья Алексеевна, царевич Алексей Петрович, его учитель Вяземский, вдовствующие царицы Прасковья Федоровна и Марфа Матвеевна. Любопытно, что в Петербурге Петр селил всех так, как хотел, как ему было удобнее: приятелей поближе, а родственников и их приближенных — подальше, чтобы меньше видеть...

Портрет на фоне города

Царевна Наталья Алексеевна

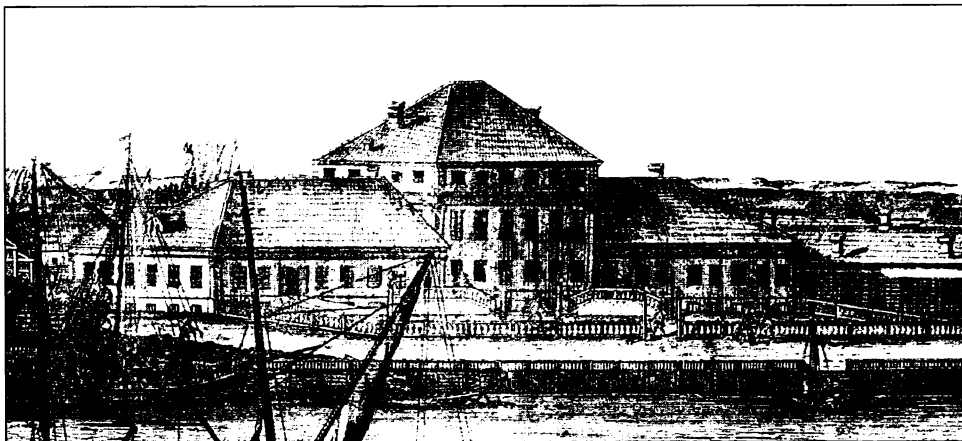
20 апреля 1708 г. в истории Петербурга произошло важное символическое событие. В этот день на новгородской дороге Петр встречал из Москвы свою «фамилию» — семью. Речь не идет о жене царя Екатерине и детях от нее. Тогда Екатерина еще не причислялась к царской семье. «Фамилией» Петра были Романовы: один мужчина — 18-летний царевич Алексей и восемь женщин. Это его единокровные сестры: 45-летняя Феодосья и 48-летняя Мария Алексеевны. Это две его невестки — вдовы его братьев: вдова царя Федора 41-летняя Марфа Матвеевна и вдова царя Ивана 43-летняя Прасковья Федоровна, которая взяла с собой в дальнюю поездку трех дочерей-царевен: 16-летнюю Екатерину, 15-летнюю Анну — будущую императрицу, и 14-летнюю Прасковью.

Но самым дорогим и желанным для Петра человеком в этой женской компании была младшая сестра Наталья. Почти ровесница брата (родилась 22 августа 1673 г.), она воспитывалась вместе с ним и была непохожа на своих родственниц, у которых и эта поездка на край света из обжитой Москвы, и все, что делал Петр, вызывало ужас и неприятие. Наталья выросла другим человеком. Ее можно было видеть с царем и на балу в Немецкой слободе, и на воронежской верфи при спуске корабля.

³³⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 3в. Л. 270—271.

³³⁸ Родзевич В. М. Историческое описание С. Петербургского арсенала. С. 27—39, 72—88.

³³⁹ Столпянский П. Н. Петербург: Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. СПб., 1995. С. 312.

Дворец Натальи Алексеевны. Фрагмент гравюры «Панорама Петербурга». А. Ф. Зубов. 1716

Из всей семьи Романовых одна Наталья с радостью приняла новые европейские привычки, одежды, развлечения. Она не ушла в монастырь, как обычно поступали московские царевны, а свободно жила, как тогда говорили, «открытым домом», принимая гостей, устраивая спектакли и балы. О доме царевны Натальи в Москве говорили как об островке нового, европейского быта. Известен был всем и придворный театр — зрелище дивное и редкое в тогдашней России. Его создателем и режиссером была сама царевна. Сохранился портрет Натальи Алексеевны. На нем мы видим статную круглолицую черноглазую женщину с высокой — по моде — прической из светлых волос. Нет, она не была красавицей, она была умницей, и Петр очень любил ее. Она одна связывала царя с его московским прошлым, которое навсегда осталось за порогом его нового дома в Петербурге и о котором царь не любил вспоминать. Наталью же он был рад видеть всегда. И вот в тот апрельский день на новгородской дороге он обнял ее первой, поцеловал царевича и царевен, а потом повез их всех к невской пристани. Русские царевны и царицы увидели широкую серую Неву, которая быстро несла свои воды к морю. Она была так непохожа на светлые, теплые речки Подмосковья...

Однажды Петр сказал, что причит свою семью к воде, и решил с этим не тянуть. В Шлиссельбурге, под гром крепостных пушек, он посадил их на яхту и поднял парус. Когда показался Петербург, дамы, уже порядком укачавшиеся на волне, ничего, в сущности, и не увидели — город еще жался к земле вокруг низкой крепости и не производил впечатления «парадиза». Но в суждениях родни Петр не нуждался, он с гордостью водил сестер, невесток и племянниц по первым петербургским улицам, а потом, вспомнив о своем намерении, посадил бедняжек на буер и направил его в открытое море — катать их вокруг Кронштадта.

Но экскурсии продолжались недолго: шведы перешли Березину и война вступила в решающую фазу. Петр поспешил к своей славе полтавского героя. Но вся история с прибытием родственников на берега Невы была важной и символичной. Отныне Романовы были переселены на невские берега, ибо царской родне положено жить в столице. Наталья зажила здесь как одна из первых русских светских дам, а ее театр стал первым театром нашего города, и его посещал сам царь. Наталья умерла в 1716 г., когда Петр был за границей, и ее не хоронили до возвращения царя — он хотел проститься с любимой сестрой. Она была похоронена не в Москве, а в Александро-Невском монастыре. Это погребение на новом месте дорогого ему человека стало еще одним якорем, которым привязывал Петр себя и Россию к невской земле.

После смерти Натальи в 1716 г. ее дворец был передан Канцелярии городских дел, которая разместила в нем свои мастерские. Здесь же, на Песках, согласно отчету Доменико Трезини 1724 г., было начато в 1711 г. строение каменных палат Александра Кикина.³⁴⁰ Это был один из ближайших сподвижников и доверенных людей Петра. Царь ласково называл его «Дедушкой» и во всем доверял ему. Но из дела царевича Алексея стало ясно, что Кикин — один из тех, кто втайне ненавидит Петра и его реформы. Кикин попал в опалу и был казнен в 1718 г. Его палаты были конфискованы в казну, а потом заняты под коллекции Кунсткамеры.

Тяга людей к этим местам объяснялась тем, что здесь берег Невы выше, он постепенно становится — ближе к бывшему Спасскому погосту — сухим, песчаным (отчего и произошло название этого района — Пески), а поэтому более пригодным для жизни и неопасным во время наводнений. Как писал иностранный путешественник, члены императорской семьи жили здесь «из-за прекрасного местоположения и здорового воздуха».³⁴¹

Неподалеку от этих мест в своей слободе, названной Преображенской, стала селиться гвардия. Застройка началась с 1719 г. Тогда были возведены центр слободы — полковой двор, а также избы для солдат и полковых складов. В 1722 г. там же построили Преображенский лазарет.³⁴²